
Это яблоко. Яблокопад.
Это якобы сумерки.
Якобы
это Ева идет через сад.
подбирая опавшие яблоки.

Это яблочный Спас. Это путь
тишины, выходящей из тени.
Контрабас,
контраболь,
контрапункт
приглушенного грехопаденья.

Это вечера стертый пятак
нагоняет ненужные страхи.
Это яблоки падают так,
будто головы падают с плахи.

И уже не дано надкусить
ни плода, ни случайной удачи.
Никого не дано искусить
в подмосковном Эдеме на даче.

И Господь меня не отлучит,
обрекая изгнанию и стуже,
не затем, что я праведно чист,
а затем, что я больше не нужен.

Я лежу, как пятно на холсте.
Я упал.
Я сегодня при деле.
Я прикован к своей наготе,
как любовник к постылой постели.

И небес дождевая вода
осторожно смывает усталость.
Подберите меня, господа, -
нас немного осталось.

Мир уже не рифмуется. Бог
не рифмуется с небом бездонным.
Так в волнах заблудившийся бот
не рифмуется с портом и домом.

Над землей прокатившийся смерч
не рифмуется с солнцем весенним,
как сугробы - с капелью,
как смерть
не рифмуется с воскресеньем.

Я уже не рифмуюсь с тобой,
как диван и вчерашние куклы.

Слышишь, вою фабричной трубой
из окна опостылевшей кухни?

Только бездна струится из дыр -
из дивана, из кресла, из пола.
Мир уже не рифмуется. Мир -
пустота опустевшего поля.

Я собою закрою дыру,
приликая к воскресному креслу.
И уже никогда не умру.
И уже никогда не воскресну.

Снег идет неслышно, по-кошачьи,
хлопьями, как лапами, шурша,
там, где зачарованный, дрожащий
синий ельник стынет, не дыша,

там, где между небом и землею
нет границ и обнажилось дно,
снегом, словно белой золою,
прошлое уже занесено.

Я ушел и больше не нарушу
ваш покой бесценный, ваш ночлег.
Словно небо вывернув наружу,
снег идет, обыкновенный снег,

тайный, словно тайные любви
или тени на исходе дня -
где-то рядом, за пределом боли,
где-то там, где больше нет меня,

снег идет, крадется и заносит
душу, словно нищенка с сумой.
Бог ты мой, ну как же он заносит!
Как же он уносит, Бог ты мой!

И уже не различить причала,
и уже не различить лица.
Если можешь, начинай сначала
эту жизнь.
А я начну - с конца.

Человек параллельной эпохи

1

Когда телефон замолчал и умер,
а часы показывали все, что хотели,
и только сверчок верещал, как зуммер,
наискосок от моей постели,

я понял, что наконец-то вышел
из времени, из его объятий сучьих,
как язык - из азбуки,
сок - из вишен,
оставив деревьям гнилые сучья.

А за окнами так же теснились ели,
пахло псиной,
и печка давилась поленьями,
и ворота долго еще скрипели
там, по другую сторону времени.

2

Человек параллельной эпохи,
убежавший от Судного дня, -
и не то чтоб дела мои плохи,
просто больше их нет у меня.

Разве это серьезное дело -
неожиданной прихоти для
выковыривать душу из тела,
словно зернышки из миндаля?

3

Когда я так не вовремя уснул,
когда мне изменило чувство меры,
когда из дня, из месяца, из эры,
из времени неслышно ускользнул,

меня всю ночь искали на снегу
мои собаки, женщины и дети.
Я понимаю, что за все в ответе.
Но ничего ответить не могу.

Ночь глуха.
Ни ангела, ни вора.
Никого. Из почерневших туч
хлещет дождь. Не вышло разговора.
Видно небо заперто на ключ.

Тайный, словно книга иноверца,
зыбкий, словно тени при луне,
ты зачем кинжальной болью сердца
по ночам являешься ко мне?

Я не знаю, как тебе молиться.
Я твоих творений не читал.

Я безумен.
Я един в трех лицах.
Я устал.
Я бешено устал.

Желтый лист, размазывая краски,
гасит в луже огненную медь.
Я устал, как Арлекин без маски
устаёт кривляться и шуметь.

Но опять не вышло разговора.
Ни любви не вышло, ни суда.
Ночь глуха.
Ни ангела, ни вора.
Лишь одна холодная вода,
да сырой дурак у светофора.

Перерисую пейзаж за случайным окном,
перерисую проулок и доски забора
перерисую, и вспыхнет медовым огнем
купол березы, похожий на купол собора.

Сосны – на стены,
звезду – на печную трубу
перерисую, ничем для себя не рискуя.
перерисую дорогу и даже судьбу,
если получится, заново перерисую.

И не взорвется в июле воинственный дождь –
как не воротится в ствол раскаленная пуля.
Просто не будет июля. И ты не придешь.
И хорошо. Проживем как-нибудь без июля.